

ПОЭТИКА СКАЗКИ И ПРОБЛЕМА СЮЖЕТОБРАЗОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ

Отражение в сказке обряда инициации. Во всех сказках уводят детей в лес, во всех сказках их ведут в это страшное место. Например, в записи братьев Гримм (помните, сказка «Мальчик-с-пальчик») родители уводят детей в лес. А когда они возвращаются, страшно им радуются. В русской сказке «Морозко» отец увозит дочку в лес, через некоторое время едет с коробкой для костей,

а привозит дочь с приданым. И на ней женится лучший жених, да еще принц, и она воцаряется.

Что это за странные герои? Герои этих сказок всегда молодые. Они всегда кажутся очень глупыми, уродливыми, иногда даже физически омерзительными. Особенно заметно, если это юноша. С девушками помягче. Они Золушки. (Кстати, мне сейчас очень нужны будут люди, которые видели русскую печь. Кто ее видел, наверное, заметили, что в деревне работа у печи не считается особо грязной и не считается особо тяжелой. И чтобы перепачкаться, особенно в золе, — это надо очень уметь.) В результате эти герои оказываются самыми умными, самыми красивыми, самыми талантливыми. Герой, если он мужчина, женится на принцессе. Через брак он воцаряется. Любая Золушка всегда выходит замуж за принца.

Я вам буду рассказывать о русской печке, которая является центром дома у славян. Вместо Мирового древа. Центр мира — Мировое древо. Центр дома — печь. До XVII века в доме не было комнат. Печь стояла посреди дома. В русской печи есть небольшие ниши — печурки. Обычно в них что-нибудь сушат. Например, детские варежки или носочки.

У славян задолго до появления христианства были родовые поселения. Это огромные землянки, посреди которых стояли огромные печи размером в полкомнаты. Они отапливали огромные помещения, в которых жил целый род. Археологи обнаружили на таких печах множество печурок, т. е. ниш в печи. В этих нишах стояли керамические горшочки, залепленные глиной. Когда эту глину отковыряли, оттуда высыпался человеческий прах: кусочки костей, зубов и даже какие-то украшения. Так славяне в печи хоронили мертвецов. Их сжигали, прах складывали в горшок, и он на печи стоял.

Кстати, повесть Гоголя «Вий» опирается на народную сказку. И в этой народной сказке герой побеждает героиню, он ее расколдовывает и женится на ней. Нет ни одной подобной народной сказки, где бы герой погиб, как герой «Вия» Хома Брут. В народной сказке

герой спасается, потому что прячется на печке. А потом он ударяет героиню печной заслонкой по башке, и она из ведьмы превращается в нормальную девушку.

Дело в том, что печь была священным предметом. Печь до христианства была местом захоронения предков. Они охраняли от злых духов, от чужого вмешательства. Теперь мы начинаем понимать, кто же такая Золушка. Почему все Золушки так страшно боятся показаться своему жениху после двенадцати часов ночи. Нет, не лохмотьев боится Золушка и не того, что она грязная и неухоженная. Она боится, что жених увидит ее в виде мертвеца. Именно поэтому она бежит от него. Итак, Золушка — мертвая.

Кстати, есть параллельная сказка, которая называется «Красавица и чудовище». У русских она называется «Аленький цветочек». Жених такой, что на него смотреть невозможно, настолько он ужасен и противен. Золушка, кстати, тоже.

Итак, кто же эти герои? У такого героя тюрко-монгольской сказки золотые волосы. Золотые волосы — признак мертвеца. Русская героиня вообще спит в ритуальном сосуде для костей. Значит, они мертвые.

А следующий вопрос — откуда народная сказка? И мы начинаем убеждать, что все эти Золушки, Иваны-дураки вроде как мертвецы. И все они молодые. Что же это за гадкие, омерзительные покойники? Глупость — это переживание смерти. Мертвый, в отличие от живого, всегда как бы глупый. Но эти герои мертвые не в том смысле, в котором мы это обычно понимаем. Ведь современный человек рождается только один раз, в день своего рождения. И умирает один раз. А первобытные люди жили не так. Они рождались и умирали дважды.

И здесь я вам должна рассказать об одном обряде, который был у всех народов на одинаковой стадии развития общества. Правда, это происходило асинхронно, потому что одни народы переживали родовой строй очень давно, другие недавно. Это обряд инициации — переход из детства в зрелость. В родовом обществе ребенок становится взрослым, то есть полноправным членом общины. Очень часто

у человека менялась не только одежда, но и имя (у китайцев имя меняли до недавнего времени).

Обряд инициации — явление сложное и многообразное. В основном мы опираемся на результаты наблюдений ученых-этнографов. Некоторые народы вошли в XX век с обрядом инициации. Например, индейцы.

У русских инициацию не помнит никто. Ее отблески дошли до нас только в сказках и сохранившихся обычаях. Например, в некоторых северных селах дети еще в конце XIX века не имели права на взрослую одежду до 13–16 лет. Мальчик — слово мужского рода, девочка — женского. А дитя — среднего. До инициации ребенок не имел пола. Девочке нельзя было носить юбку или сарафан, надевать украшения, делать прическу. Мальчикам тоже нельзя было носить штаны, носить пояс и стричься. Все ходили в рубахах.

Даже я помню вот какую вещь. Если у родителей была возможность купить ребенку часы, то они этого не делали до тех пор, пока ребенок не пойдет в 7-й класс. А 7-й класс — это 14 лет. После этого все родители покупали часы, хотя бы самые убогие. Теперь я понимаю, что часы — знак взрослости, то есть инициация здесь есть в рудиментарном виде.

Следы инициации есть в сказке «Морозко». Там девушек отправляют на испытание в лес. Их испытывают холодом, стыдом. *Стыд/студ* — это «холод». Но стыд — это еще когда человек умеет скрывать чувства. Тот, кто не умеет скрывать чувства, — это бесстыдник. В древности это были самые примитивные чувства: чувство голода, чувство холода, чувство боли. Срам — это когда человек не скрывает некоторых частей своего тела.

Инициация — это испытание человека. В сказке «Морозко» две девушки. Одну из них Морозко (проводящий инициацию) спрашивает: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, милая?» Что говорит стыдливая (т. е. умеющая скрывать чувство холода) девушка? «Тепло, Морозушко, тепло, батюшка». А что говорит бесстыдница? «Ты что, старый

хрен, не видишь, что ли, зуб на зуб от холода не попадает!» Конечно, эта сказка дошла до нас в очень позднем варианте. Обе девушки выживают, обе получают приданое. Но одна — настоящее приданое, а другая — оскорбительное. В древности первая становилась живой взрослой женщиной, а вторая становилась просто мертвой.

Что же такое инициация? Это первобытный обряд, связанный с посвящением человека во взрослые. Он обычно проводился на грани миров — мира жизни и мира смерти. Миром жизни мыслились поле, поляна, а миром смерти — лес. И вот на грани поля и леса, на опушке, была граница этих миров. Именно там стояла знаменитая избушка на курьих ножках, в которой жила Баба-яга.

Есть замечательная русская пословица «Жизнь прожить — не поле перейти». Смысл какой: ровное поле пройти легко, а вот жизнь прожить, когда в ней много испытаний, — трудно. Вы знаете, как выглядела раньше эта пословица? «Жизнь прожить, что поле перейти», т. е. жизнь прожить — это все равно что поле перейти. А поле — это жизнь. Проходишь поле — начинается опушка, а за опушкой что? В сказке это называется тридевятое царство. А по мифу это хаос. В русской сказке это называется темный лес. У некоторых народов это начинается за огненной рекой, за хрустальной горой. Но это иное царство, т. е. царство смерти.

Что происходило с теми, кто проходил обряд инициации? Взрослые брали этих подростков, отправляли их в лес. И там они проходили испытания. Там как бы умирал ребенок и рождался взрослый человек. Испытания были так страшны, что некоторые так и не рождались снова.

Чтобы понять инициацию, нужно понять в первую очередь, как это все выглядело и какой в это все вкладывался смысл. Инициация была ритуалом, в результате которого человек из ребенка становился взрослым. Магическая суть ритуала заключалась в том, что ребенок умирает и потом проходит через испытания. Ему имитируется смерть, потом происходит воскрешение. И это уже воскрешение

человека взрослого. Это было такое соединение физических и духовных страданий, что определенный процент людей просто не мог пройти инициацию. Она для них действительно кончалась физической смертью. Убеждение в том, что ты мертв, было у всех. Умирали далеко не все, но некоторые умирали совсем.

Следы инициации можно обнаружить в сказках очень многих народов. В поздней инициации соединялись элементы самых разных эпох. Одна из древнейших форм инициации — это когда считается, что человек превращается в тотемного зверя (то есть зверя-предка), и, пройдя через жизнь этого зверя, человек вновь становится человеком.

Самые разные сюжеты мирового искусства базируются на переосмыслении этого мифологического сюжета. Например, «Метаморфозы» Апулея (или «Золотой осел», как называли его благодарные читатели). Молодой человек, добрый и умный, но слишком развратный и любопытный, из-за этих своих пороков превращается в осла. В шкуре осла он живет, достойно переносит испытания и вновь становится человеком. Но не тем же, каким был, а таким солидным, представительным.

Или «Капитанская дочка» Пушкина. Превращения там нет. Но все элементы инициации есть. Молодой человек уезжает из своего дома в дальние края, проходит ряд испытаний, начиная с проигрыша Зурину ста рублей. В степи встречает таинственного героя (будущего предводителя бунтовщиков Пугачева), который становится его помощником, дарителем, спасителем, приезжает в чужой мир. Белогорская крепость — это что-то вроде тридевятого царства. Там он встречает другого молодого человека, который на него очень похож. Тоже дворянин, тоже говорит по-французски, тоже любит стихи. Они становятся как бы братьями. Это его ложный брат-двойник, таких полно в сказках. Обычно, когда сказочный герой добывает невесту, такой ложный брат-двойник нападает на него, очень часто убивает его, рубит на части, невесту и волшебные предметы утаскивают. Тогда приходит герой-помощник. Например, ворон. (Кстати, помните, что Пугачев пел именно песню о вороне?) Он оживляет героя. Героя узнают

по шраму. Шрамы — это воспоминания о следах инициации. Инициация всегда оставляла на теле героя знак.

Большинство волшебных сказок построены именно по этому принципу:

- 1) выход героя из дома;
- 2) встреча с волшебным помощником;
- 3) путешествие в иной мир, т. е. в царство смерти (у русских это тридевятое царство, темный лес; у греков — лабиринт, у якутов — безвыходный туман).

Более поздняя форма инициации — человек заглатывается тотемным животным и совмещается с ним. Этот мотив настолько популярен, что сохраняется даже в авторской сказке. Вспомните сказку Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». Солдатик почувствовал себя человеком только тогда, когда побывал в желудке у рыбы.

В фольклоре никогда и ничего не бывает случайным. Например, мотив чудесного рождения от рыбы. Есть целая серия сказок о том, как у царя и царицы не было детей, потом ей достают рыбу, она поручает служанке зажарить ее, служанка съедает кусок рыбы, дает немного собаке. В результате через день и царица, и служанка, и собака рожают по человеку. Люди эти абсолютно одинаковы.

Интересно, что в римских катакомбах, где собирались первые христиане, были найдены интересные изображения Христа. Например, в виде агнца, т. е. ягненка (символ жертвы), птицы феникс (символ гибели и возрождения), рыбы (символ воскрешения, возрождения в силу своей плодовитости). У многих народов на этой почве существовало представление о том, что мертвые, брошенные в воду, заглатываются рыбами, а потом воскресают. Этот мотив живет в сознании ребенка, героя повести Ч. Айтматова «Белый пароход».

В самой глубокой древности существовала и женская инициация. К моменту появления этнографии женские инициации исчезли. Остались лишь некоторые следы. С приходом патриархата женщины оставались на всю жизнь непосвященными. Кроме некоторых,

которые фигурируют в сказках под именем Белоснежки или Мертвой царевны, которые спят в хрустальном гробу. Сказкой, сохранившей воспоминания об инициации, является сказка «Морозко». Фигура Морозко еще более древняя, чем Баба-яга. Характерно, что над женщиной совершает инициацию не Баба-яга, а тотемный зверь, медведь (как в сказке о том, как девочка играла с медведем в избушке на курьих ножках в жмурки, т. е. в жизнь и смерть) или природные силы (как в сказке «Морозко»). Сказка «Морозко» — это фактически сказка о двух девушках, одна из которых проходит инициацию, а другая — нет.

Инициация была явлением сложным. Герой идет по полю к лесу, но вступить в лес он не может. Войти в лес можно только через избушку (у других народов — шалаш, чучело тотемного зверя, в пасть которого герой влезал и вылезал с другой стороны). Луций из «Золотого осла» Апулея прошел через шкуру осла точно так же.

Во время обряда инициации подростков собирали, уводили в лес, где было здание, напоминавшее тотемного зверя. Курьи ножки — это следы тотемного зверя. Курица, видимо, играла какую-то особую роль в русском сознании (аналогично курица занимает важное место во французском народном сознании). Обычно подростков кто-то встречает. В сказке этот герой называется волшебным помощником или дарителем. Фактически это был человек, который руководил взрослыми, проводившими инициацию. Иногда он имел облик зверя или старухи (мудрой общей матери, Бабы-яги). Ее название у индейцев переводится как «старуха, пожирающая внутренности». Избушка Бабы-яги — это избушка, где проходит инициация. Она имела две двери: вход и выход. Войти можно было только через вход, выйти — через выход. Именно поэтому и надо было сказать: «Избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом». В ней находится Баба-яга, у которой одна нога костяная, а другая говняная (этого в детских пересказах нет). У нее нос врос в потолок, а зубы лежат на полке. Она обычно героя не видит, реагируя только на его запах: «Фу-фу, человеческим (позднее — русским), т. е. живым, духом

пахнет». Что это такое? Это не нос у нее слишком длинный, а изба слишком маленькая. Баба-яга — мертвец, который лежит в гробу. Баба-яга обычно грозит. На это герой говорит: «Не кричи! Сначала напои, накорми, в баньке выпари, а потом и разговаривай». Это значит, что герой подготовлен: он может есть еду мертвых, может пройти через испытания огнем.

Человека доводили до такого состояния, чтобы он решил, что умер. Для этого его морили голодом, не давали спать. Мертвые не могли смеяться, чихать, оборачиваться, говорить. Проходящим инициацию запрещали это делать. Эти запреты нашли отражение в мифе об Орфее, который, спускаясь в Аид, обернулся; в «Черной курице» у Погорельского (героя пытается рассмешить попугай), в русской сказке «Братья-вороны» и в датской сказке «Братья-лебеди», обработанной Г. Х. Андерсеном (там братья проходят более древнюю форму инициации — надевают связанную из крапивы одежду, а сестра — более позднюю, она молчит, пока не кончается срок молчания).

Существовало и испытание смехом. Перед подростками кривлялся шаман, который пытался их рассмешить. Кто засмеялся, не проходил испытания. Этот обряд сохранился в игре, когда двое пытаются друг друга рассмешить.

Чтобы человек почувствовал себя мертвым, он ел еду мертвых. В Африке это были отравляющие вещества. На Русском Севере ели грибы. Как правило, мухоморы.

В древнем сознании смех мыслился как носитель, даритель и главный признак жизни. Считалось, что от смеха можно забеременеть. Оборачивание тоже связано со смехом. Герой может обернуться в ответ на жест обнажения, который должен вызвать смех. Характерно, что именно материально-телесный низ человека вызывает смех. Почти все анекдоты связаны с сексуальными или туалетными действиями. Низ человеческого тела мыслился, с одной стороны, как преисподняя, поглощающая жертву, а с другой — как воскрешающее и рождающее начало. Смех тогда не был результатом юмора, он не обозначал

веселья. Мы сейчас смеемся **отчего-то**. А первобытные люди смеялись **для чего-то**. Например, смеялись, убивая собственных родителей, чтобы они, состарившись, не умерли сами. Похоронный обряд многих народов имеет пережитки смеховых культов. Например, у мордвы нельзя было плакать над покойником, гроб несли бегом со свистом и смехом. Гроб бросали в могилу с хохотом. После этого пожилые мужчины все приводили в порядок.

Свадебный обряд также связан со смертью. Например, белое платье невесты (цвет невидимости покойника) и черный костюм жениха.

Обряд причащения — это приобщение к крови и плоти Христа. У католиков и протестантов первое причастие, конфирмация, проходит в 14 лет (этот обряд в чем-то подобен инициации). Древние люди на празднике тотемного зверя ели его мясо и пили его кровь.

Во время инициации были различные физические испытания. Например, жгли огнем, вырезали части тела (например, мизинец, зуб), доделывая его как человека (в отличие от животного). Или проводили обрезание, доделывая в человеке пол. Испытывали огнем и холодом.

Генезис загадки. Во время испытаний загадывались загадки, сохранившиеся до наших дней. Загадки вышли из мифа. Почти ни одной загадки разгадать логически нельзя. Мы отгадываем загадки не потому, что мы такие умные, а потому, что мы знаем отгадки. Разгадывание загадок связано с воспроизведением отгадок.

К моменту инициации человек должен был познать легенды и мифы своего народа, понять их смысл, потому что мифы существовали в двух вариантах: один вариант — для посвященных, **сакральный**, священный вариант, другой — для непосвященных, **профанный** вариант. Много в мифах они познавали через загадки. Загадка состоит из двух частей: собственно загадки и отгадки. Надо было знать и загадку, и отгадку. О чем были загадки? Небесные явления, вода и земля, отношения человека и природы, проблема жизни и смерти, а также разные мифологические существа.

Б. Н. Путилов обнаружил у папуасов Новой Гвинеи в 1970 году такой обычай. Среди дня в деревне раздается вой, начинается паника. Все женщины бегут по хижинам, где они пытаются спрятаться, укрыться с головой. Те, кто остался на улице, стремятся накрыться, закрыть глаза ребенку. Если дети спрашивают у взрослых, что это было, детям объясняют, что это прилетала волшебная птица. Птиц этих нельзя видеть. Кто их увидит, тот ослепнет. Это профанная отгадка. Мальчикам после инициации дадут сакральную отгадку. Им покажут священные флейты, на которых могут играть только посвященные и которыми издавался этот вой. В этих флейтах законсервирована волшебная сила предков.

В античную эпоху все знали обе отгадки. Вот стихотворение А. С. Пушкина, представляющее собой античную загадку (это перевод с греческого):

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам шумный заступник в любви.

Отгадка — Дионис. Он родился в виде отрока. Когда его пришли убивать, в кого он только не превращался: в себя самого («злое дитя»), в Зевса («властелин добронравный»), в Хроноса, т. е. время («старик молодой»)! Это сакральная отгадка. А профанная отгадка — воздействие вина на организм человека. Злое дитя (молодое вино, которое очень коварно при большом употреблении), старик молодой (многолетнее благородное вино).

Еще одна загадка, которую приводит О. М. Фрейденберг:

Все его любят, все его знают, да никто его не видит.

У этой загадки две отгадки: бог сна Морфей и сон как состояние человеческого организма.

Все вы знаете миф об Эдипе. Мы будем говорить о том фрагменте, когда Эдип убивает Сфинкса. Страшное чудовище Сфинкс сидит

на дороге и загадывает всем проходящим одну и ту же загадку. Никто эту загадку не отгадывает, и Сфинкс сбрасывает их со скалы. Что это за загадка? Кто утром ходит на четырех, днем на двух, вечером на трех? Почему никто, кроме Эдипа, не отгадал эту загадку? Потому что все пытаются угадать то мифологическое чудовище, которое было зашифровано в этой загадке. Именно поэтому они пытались вспомнить это существо и не могли. Они пытались найти сакральную отгадку. Эдип — новый человек. Он уничтожает Сфинкса. Почему? Он дает профанную отгадку. Профанная отгадка — человек. В детстве он ходит на четырех ногах, в зрелом возрасте — на двух, а к старости обзаводится третьей — палкой.

Большинство русских загадок почти невозможно отгадать. Вот одна из них. Ноги львиные, крылья орлиные, голос медный, кто его убивает, тот кровь человеческую проливает. Отгадка: комар (это отгадка профанная). Древней сакральной отгадкой было какое-то мифологическое чудовище.

Или другая. Когда мир появился, тогда дуб повалился и до сих пор лежит. Сохранилась только профанная отгадка — дорога. Профанная отгадка не объясняет полностью самой загадки. Существовала еще сакральная отгадка. Среди первобытных картин мира существовали вертикальная и горизонтальная. Самая ранняя — горизонтальная, где мир делился рекой, опушкой леса, горами или дорогой. Дорога считалась священной, так как она считалась как бы телом бога. Была более поздняя картина мира — вертикальная, где мир делился Мировым древом. В этой загадке сочетаются дорога и Мировое древо, т. е. две картины мира.

Существует масса неприличных загадок. Обычно они придуманы искусственно. У них две отгадки: пристойная (бывшая профанная) и непристойная (бывшая сакральная). Например, «Туда-сюда, обратно — тебе и мне приятно». Пристойная отгадка — качели. Непристойная — сами понимаете.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

